

Грачев В. И.

БИБЛИОТЕКАРЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК

Рассмотрены место и назначение библиотекаря в системе социально-коммуникационной деятельности библиотек, аспекты его взаимодействия с читателем в новых условиях развития библиотечной жизни.

С развитием общества неминуемо изменяются все сферы его жизни, в том числе и библиотечная, поэтому необходимо оценить место и социальную роль библиотеки и библиотекарей в новых условиях. В этой связи несколько предварительных замечаний.

Для всестороннего и углубленного изучения библиотечной деятельности как особой социально-профессиональной группы недостаточно рассматривать ее лишь в условиях трудовой деятельности, т. е. в рамках библиотечного дела. Необходимо оценивать всю систему многообразных связей и проявлений, характеризующих жизнедеятельность библиотечной сферы и библиотекарей в ней. Для более полной характеристики социальных, экономических, культурных, психологических и других процессов и явлений этой сферы требуется и более широкое понятие, позволяющее раскрыть все ее разнообразие и сложность. С позиций выдвинутой нами концепции библиовитализма¹ таким может быть понятие «библиотечная жизнь», ранее не использовавшееся в библиотечных исследованиях как научная категория. Под библиотечной жизнью мы понимаем разумную, творческую и целенаправленную деятельность людей в библиотечной сфере. Именно это понятие, на наш взгляд, раскрывает не только практическую и научную стороны библиотечной сферы, но и всю совокупность социальных и индивидуальных связей человека, как профессионально причастного к ней, так и попадающего в зону влияния и пользующегося продуктами и услугами данной отрасли общественного производства.

Наиболее перспективным и продуктивным подходом к рассмотрению современного положения библиотеки и библиотекарей нам представляется социально-коммуникационный, являющийся частью более общего информационного подхода [1].

Некоторые аспекты деятельности библиотек в социально-коммуникационной системе нами уже рассматривались ранее [2]. Данная

статья развивает эти положения с позиций оценки места и назначения библиотекаря в системе социально-коммуникационной деятельности библиотек.

Современный библиотекарь или специалист социально-информационной сферы, в нашей терминологии — социолог, должен быть профессиональным посредником между имеющимися в его распоряжении информационными ресурсами или системой документированных знаний и людьми, в них нуждающимися. Именно так понимают роль библиотечных специалистов некоторые неортодоксальные исследователи этих проблем [3, с. 75]. Знания в различной форме их хранения или социальная информация в документированном (и все чаще в недокументированном) виде, а не только произведения печати должны составлять предмет внимания современного библиотекаря и библиографа, выступающих проводниками между индивидуальным сознанием читателей и документированным общественным знанием [4, с. 6]. Оценивая библиотекаря как посредника между знаниями, отражающими общественное сознание, и членами общества, можно утверждать, что модель специалиста социально-коммуникационной сферы (как бы мы его ни называли — библиотекарь, социолог, информолог или как-то иначе) должна репрезентировать все многообразие потребностей, с которыми к нему обращаются люди. Вместе с тем эта модель должна отражать не столько содержательную сторону этих потребностей, сколько общую структуру, архитектонику системы знания, межпредметные связи между отдельными частями общего знания. Наше суждение близко пониманию модели, предложенному видным американским теоретиком моделирования М. Вартофским, считаемым, что фактически «модель рассматривается как конструкция, в которой мы располагаем **символы** нашего опыта или мышления таким образом, что в результате получаем **систематизированную** репрезентацию этого опыта или мышления как средство их понимания или объяснения другим людям [5, с. 11]» (подчеркнуто мною. — В. Г.).

И если попытаться спроецировать социально-коммуникационную деятельность биб-

¹ Обоснование концепции библиовитализма содержится в нашей диссертационной работе и подготовленной к публикации статье, посвященной данной проблеме.

лиотек в будущее, то, вероятно, не книга, не документы во всех их видах станут объектом деятельности социально-коммуникационных центров (информотек), а сам человек с его многообразными и сложными потребностями и социальная информация в документированном и недокументированном (вербальном, экранном и т. п.) виде, удовлетворяющая эти потребности. Иначе говоря, в центре внимания будущих информариев окажется человек и его знания, систематизированные и репрезентированные в соответствии с культурной парадигмой того времени.

Сегодня складывается новый тип культуры — экранная. Как отмечают современные культурологи, основным признаком экранной культуры, качественно отличающим ее от книжной и приближающим ее к изначальному типу человеческих культур — культуре личного контакта, является динамический, ежесекундно меняющийся диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером [6]. Экранная культура по-новому ставит проблему природы знаний и природы человека, проблему соотношения знания и информации.

Потребности, удовлетворяемые информотеками, названы нами социально-коммуникационными, так как они выражают не только необходимость или желаемость получения информации, но и стремление к общению или взаимодействию с теми, кто призван удовлетворять весь спектр этих потребностей, даже если это будет самопрограммирующаяся автоматизированная информационная система. Как отмечалось нами ранее [2, с. 4], социально-коммуникационные потребности могут быть сведены к следующим: когнитивным, коммуникативным, мнемоническим, регулятивным, эстетическим, педагогическим и рекреационным. Установка на приоритетное удовлетворение тех или иных потребностей зависит от типа библиотеки, но сегодня многие научные, специальные и массовые библиотеки отходят от этого принципа (стремление к дизайну, комфорту, приятному и эстетически привлекательному интерьеру в зависимости от конкретных возможностей). Рискнем высказать еще более крамольную мысль: чтение как самостоятельная потребность скорее всего не существует или встречается крайне редко (лишь у патологических библиоманов). Чтение — одно из многих средств получения и усвоения знания. Стремление узнать что-то для себя — вот истинная потребность читателя. Авторитетные исследователи подтверждают, что чтение — лишь один из процессов и каналов передачи социальной информации, служащих для удовлетворения многообразных духовных потреб-

ностей человека [4, с. 6; 7, с. 11]. Да и читатель давно уже не читатель, а потребитель информации, ее пользователь, абонент традиционной или автоматизированной библиотечной системы. Поэтому, сокрушаясь по поводу все уменьшающегося количества читателей, библиотекари, особенно руководящего ранга, не должны забывать, что библиотека — лишь один из центров получения информации и многие другие информационные органы уже заметно теснят ее. В современном обществе очень важное значение приобретают средства массовой коммуникации и межличностное общение. Как известно, общение невозможно без обмена информацией и именно преобладание в обществе документальных форм информации и каналов ее распространения позволяет библиотекам пока сохранять ведущее положение в общей системе социальной коммуникации.

Но культурная парадигма общества меняется, и библиотека, не сумевшая приспособиться к этим изменениям, может потерять свою социальную роль [3]. Следовательно, библиотеки, стремящиеся сохранить свое социальное значение, должны радикально обновить арсенал средств воздействия на читателя, изменить общую направленность своей деятельности, усилив ее социально-коммуникационный аспект.

Напомним, что библиотека осуществляет социально-коммуникационную деятельность в процессе общения между библиотекарем и читателем на основе обмена социальной информацией в документированной и недокументированной формах. Причем это общение может быть как непосредственным (в процессе межсубъектного взаимодействия), так и опосредованным (через документ или технические средства коммуникации). С точки зрения субъектно-объектных отношений в системе социально-коммуникационной деятельности библиотеки и библиотекарь, и читатель попеременно выступают то как субъект, то как объект этой деятельности. Причем процесс протекает симультанно, т. е. библиотекарь и читатель одновременно воздействуют друг на друга, или взаимодействуют.

При этом воздействие субъекта на объект происходит на основе (или в виде) прямой связи, а взаимодействие реализуется по принципу положительной обратной связи. И в том и в другом случае основой связи или, иначе говоря, коммуникации является социальная информация в виде информационного сообщения или сигнала. Обратная связь служит замкнутым контуром, в котором циркулирует социальная информация, помогая *итеративно* «настраивать» взаимодействие

между читателем и библиотекарем. Информация, которой обмениваются библиотекарь и читатель, постоянно изменяется и по содержанию, и по форме. Так, первоначально она предстает в виде письменного (реже устного) запроса на документ, а затем возвращается в виде требуемого документа или отказа с указанием причины невыполнения запроса. В том и другом случае это совершенно разная не только по содержанию, но и по виду социальная информация. Запрос формулируется либо на базе каталогов (алфавитного, систематического и др.), либо на основе библиографических пособий, либо на основе знания предмета, но и в том и в другом случае это библиографическая информация (т. е. по виду она входит в состав вторично-документальной информации) или первичная информация предметной области в недокументированной устной форме. Ответ же на запрос представляется либо в виде документа (т. е. первичной информации), либо в виде отказа, представляющего новую для читателя по сути фактографическую информацию, указывающую на причины отказа (документ выдан, утерян, находится на реставрации и т. д.). Таким образом, процесс взаимодействия может быть оценен как процесс межсубъектного взаимодействия на базе социальной информации различного вида, формы и содержания, реализуемого по принципу обратной связи. В этом процессе, что особенно важно подчеркнуть, и читатель, и библиотекарь являются субъектами социально-коммуникационной деятельности. Традиционным же до сих пор представлением является субъектно-объектное отношение библиотекаря и читателя. Иначе говоря, читатель всегда предстал объектом воздействия библиотекаря [8], рассматривался как пассивный элемент социально-коммуникационной деятельности библиотек. Недооценка коммуникационной функции приводит к гипертрофированию педагогической функции библиотекаря и делает процесс общения читателя и библиотекаря неравноправным, создавая почву для идеологизации и управления читателем, что, как правило, отторгает последнего от библиотеки. Именно такой взгляд на отношения между читателем и библиотечным работником изложен в одном из наиболее прогрессивных учебников «Библиографоведение» [9, с. 76] и в новейших учебниках по библиотечковедению, хотя есть и другая точка зрения [10].

Отсутствие равноправия в отношениях между библиотекарем и читателем делает их чисто формальными, жесткими, а подчас и конфронтационными, зависимыми, поэтому говорить о полноценном общении не прихо-

дится. Причин тому много: и дискомфорт в библиотеке, и отсутствие времени, но самое главное — отсутствие профессиональной установки на равноправные отношения с читателем и зависимость библиотекаря от читателя, а не наоборот, и, конечно же, отсутствие должной психологической подготовки библиотечного специалиста в вузе.

На современном этапе развития библиотечной науки и практики выделение самостоятельной научной дисциплины — библиотечной профессиологии, занятой изучением библиотечной профессии, несомненно, прогрессивный шаг, но, очевидно, сегодня настало время идти еще дальше и обратиться к изучению не только профессии, но и личности библиотекаря. Анализируя развернутое определение «библиотечной профессиологии», выработанное А. С. Чачко, мы убеждаемся, что и эта новая комплексная научная и учебная теоретико-прикладная дисциплина, объектом которой является библиотечная профессия [11], не рассматривает библиотекаря как личность, а оценивает как профессионала в условиях его трудовой деятельности, как некоего совокупного «экономического человека», на самом деле не существующего, поскольку каждый человек уникален. Библиотекаря нужно изучать как индивидуального представителя библиотечного сообщества во всем многообразии библиотечной жизни, т. е. с позиций социальной психологии и социологии. И, отдавая должное библиотечной профессиологии в ее усилиях по изучению библиотечной профессии, мы полагаем, что назрела необходимость формирования самостоятельной комплексной научной и учебной дисциплины, которая изучала бы специалистов библиотечной сферы во всем многообразии их социальных, индивидуальных, профессиональных связей в условиях библиотечной жизни как представителей библиотечного мира. Такой дисциплиной, основанной на достижениях социологии и социальной психологии и на идеях несправедливо забытой библиопсихологии Н. А. Рубакина, а также выдвинутой нами концепции библиовитализма, могла бы на современном этапе стать «социопсихология библиотечной жизни». Она дополнила бы и «психологию чтения», и «библиотечную профессиологию», соединив их в единый научный и учебный теоретико-прикладной комплекс наук о профессионале в социально-культурной сфере, которая пока еще имеет архаичное название «библиотечная», а должна бы называться социально-коммуникационной, т. е. сферой общественного хранения и распространения социальной информации в документированном и недокументированном виде.

Идея о необходимости и возможности дальнейшего выделения новых научных дисциплин в рамках современного библиотековедения не вызывает сомнений и у крупных советских библиотековедов. Например, А. Н. Ванеев отмечает неизбежность появления новых библиотековедческих научных дисциплин [12]. Именно такой интегративной комплексной научной теоретико-прикладной дисциплиной могла бы стать и предлагаемая нами «социопсихология библиотечной жизни».

Отдавая себе отчет в том, что для научно-определения объекта предмета и содержания проблематики каждой новой дисциплины необходимо специальное самостоятельное исследование, рискуем предложить свое понимание этих категорий с позиции выдвигаемой нами концепции библиовитализма и социально-коммуникационного подхода.

Исходя из нашего ранее приведенного определения библиотечной жизни и принципов системности считаем, что объект этой научной дисциплины должен носить системный характер. Поэтому в качестве объекта «социопсихологии библиотечной жизни» предлагаем рассматривать систему творческой жизнедеятельности человека в сфере общественного хранения, распространения и потребления социальной информации.

Основой любой деятельности являются потребности. Знания — это результат научно-практической деятельности людей, а общественное сознание в философии определяется как надличностное (духовное) идеальное образование, отражающее общественное бытие людей [13]. Таким образом, наличие тесной взаимосвязи между потребностями, деятельностью, знанием, сознанием и жизнью, а это позволяет утверждать, что человек в библиотечной или социально-коммуникационной сфере был и остается единственным носителем или субстратом профессионального сознания, отражающего его жизнедеятельность, обусловленную реальными потребностями, удовлетворение которых требует специальных знаний. Или в терминах библиовитализма: библиотекарь в библиотечной жизни является носителем определенного профессионального сознания или мировоззрения, или библиотечного мира, созданного в процессе жизнедеятельности по удовлетворению потребностей в социальной информации, требующейся как другим, так и ему самому. Поэтому от адекватности библиотечного сознания существующим потребностям общества зависит реальная библиотечная жизнь, или бытие библиотекаря, а последнее в свою очередь определяет библиотечное сознание, хотя эта

марксистская формула сегодня подвергается большим испытаниям.

Как абсолютно точно отмечено в работе [4], лишь благодаря языку индивидуальное знание может стать общественным достоянием, т. е. общественным знанием, отражающим общественное и индивидуальное сознание. Подчеркивая связь между языком, сознанием, знанием и информацией, нельзя не согласиться с утверждением, что вне материализации в языке и в явлениях культуры сознание одного человека недоступно для другого и не дает информации [14, с. 63].

Важно отметить, что знание — лишь одна сторона сознания, результат познавательной деятельности, существующей в виде логических образов (дискурсивное познание). Другую часть сознания составляют эмоции и чувства (интуитивно-образное познание).

Это очень важно отметить при рассмотрении социально-коммуникационной деятельности библиотек, потому что именно деятельность по обмену социальной информацией между людьми в момент их общения не может не быть эмоциональной, поскольку эмоции «выступают как субъективное переживание значимости для действующего индивида того или иного момента жизнедеятельности» [14, с. 64]. К сфере сознания относится и целеполагание, т. е. «способность проектировать свою жизнедеятельность, определяя цели и средства своей деятельности и жизни» [14, с. 65].

Итак, можно утверждать, что социально-коммуникационная деятельность современных библиотекарей носит сознательный, эмоциональный, целенаправленный характер, а результаты этой деятельности, выражаемые в виде передаваемого с помощью метаинформации социального знания, реализуются на базе естественного и искусственных языков.

Основываясь на идеях потребностно-деятельностной концепции А. Н. Леонтьева (а применительно к информационно-библиотечной сфере — на глубокой теоретической работе С. Д. Коготкова [15]) и опираясь на потребностно-функциональную систему А. В. Соколова, мы должны признать, что именно системой названных ранее потребностей определяются нижеперечисленные цели социально-коммуникационной деятельности современных библиотек:

1. Когнитивная (познание).
2. Коммуникативная (общение).
3. Мнемоническая (сохранение культурных ценностей в памяти общества).
4. Эстетическая (эстетическое освоение действительности, основанное на законах красоты).

5. Этическая (регулирование отношений людей в обществе).

6. Педагогическая (воспитательная и обучающая).

7. Рекреационная (предоставление отдыха).

Несомненно, эти цели не исчерпывают всего многообразия читательских потребностей, которые должны удовлетворять современные библиотеки, но мы ограничились лишь потребностями, отнесенными к социально-коммуникационным.

Для реализации целей и задач социально-коммуникационной деятельности требуются люди, воспринимающие новые идеи и поддерживающие их в своей профессиональной деятельности. Для этого нужно отказаться от традиционных взглядов на библиотеку, библиотекаря, библиотечную деятельность, библиотечную жизнь и библиотечный мир. Это сделать весьма непросто: люди с трудом от-

казываются и от привычных взглядов, и от привычной жизни. Новое всегда пугает, но привлекает, и это вселяет надежду, что новые идеи будут постепенно восприняты всем библиотечным сообществом. Сегодня ни у кого из библиотекарей, даже у сельских, не вызывает сомнений и возражений необходимость механизации и автоматизации библиотечных процессов; а еще десяток лет назад эта идея воспринималась с недоверием, испугом, даже протестом, как невозможная и ненужная для сугубо гуманитарной деятельности библиотек. Так же непременно библиотекари придут к осознанию идеи, что они давно уже не книгохранители, а новая социальная генерация, которая должна занять достойное место в обществе и найти для себя новое название, вызывающее не сочувствие или снисходительность, а законное уважение, соответствующее высоким целям ее жизни и деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов А. В. Информационный подход к документальной коммуникации / Ленингр. гос. ин-т культуры. — Л., 1988. — 85 с.
2. Грачев В. И., Рудич Л. И. Библиотека в системе социально-коммуникативной деятельности и проблема подготовки специалистов нового профиля // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 6. — С. 3—6.
3. Шира Дж. Х. Введение в библиотековедение: Основные элементы библиотечного обслуживания. — М.: Вышш. школа, 1983. — 256 с.
4. Соколов А. В. Мир общественного знания. Читатель. Библиотекарь // Отраслевая библиотечно-библиографическая подготовка студентов. Проблемы совершенствования: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры. — Т. 105. — Л., 1986. — С. 6—34.
5. Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. — М.: Прогресс, 1988. — 507 с.
6. Прохоров А. В., Разлогов К. Э., Рузин В. Д. Культура грядущего тысячелетия // Вопр. философии. — 1989. — № 6. — С. 23.
7. Рубакин А. Н. Что такое библиологическая психология. — Л.: Колос, 1924. — 61 с.
8. Дворкина М. Я. Библиотечная среда и библиотечное влияние: К постановке вопроса // Сов. библиотековедение. — 1991. — № 1. — С. 26—29.
9. Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — 232 с.
10. Столяров Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. — М.: Книга, 1981. — 255 с.
11. Чачко А. С. Библиотечная профессиология: актуальные проблемы и новые аспекты // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1987. — № 12. — С. 3—6.
12. Ванев А. Н. Социалистическое библиотековедение как общественная наука // Проблемы интеграции социально-коммуникационных наук в социалистическом обществе: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры, 1987. — Т. III. — С. 3—16.
13. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
14. Чунаева А. А. Информация. Знание. Сознание // Проблемы интеграции социально-коммуникационных наук в социалистическом обществе: — Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры, 1987. — Т. III. — С. 59—70.
15. Коготков С. Д. Формирование информационных потребностей // НТИ. Сер. 2. — 1986. — № 2. — С. 1—7.